

А. Г. Плешивенко (Запорожье)

Русь и печенеги в степях Нижнего Поднепровья¹

Отношения печенегов с Русью были многогранными, прошли несколько этапов от откровенной вражды до умеренного сотрудничества, характеризующегося проведением совместных боевых действий, активной торговлей и дипломатией.

Летопись сохранила известия о 12 военных конфликтах между сторонами. Даже, если предположить, что какая-то часть печенежских вторжений на Русь и русских походов в степь не попала в поле зрения русских летописцев, то и тогда невозможно представить полутора столетнюю историю русско-печенежских отношений как сплошное военное противостояние. Свидетельством заинтересованности печенегов в мирных отношениях со своими соседями, в том числе и с Русью, может быть сообщение К. Багрянородного о торговых связях с Херсонесом [1, с. 41]. Среди товаров, которые печенеги поставляли в Херсон называются шкуры и воск, который печенеги приобретали у руссов, взамен отправляли быков, коней, овец. Но обмен-торговля этим не ограничивался. Не имея постоянных поселений и даже временных стойбищ, вечно кочуя по степи в повозках и на лошадях, печенеги нуждались в жизненно необходимых продуктах земледельцев-соседей, изделиях ремесленных мастерских.

Источником информации о мирном сосуществовании и взаимовлиянии в этнокультурной, хозяйственно-бытовой, социально-экономической сферах служат археологические источники.

Самое значительное поселение открыто на о. Хортица. Исследователи отождествляют его с летописным «Протолче на Хортичем острови», что лежит на водном пути из «варяг в греки» [2, стб. 253]. Первое упоминание в летописях относится к началу XII в., но археологический материал свидетельствует о появлении поселения уже в VIII в. Поселение многослойное, площадью до 20 га. На основе археологического материала можно говорить о его длительном существовании вплоть до XIV в. Самым ранним оказалось жилище шатрового типа. К периоду X—XI вв. относится полуземлянки прямоугольные, обустроенные входом-ступенькой и печками-каменками. Материалы

¹ Эта работа представляет собой сокращенный вариант лекции, прочитанной мною на Международной научной конференции «Русь и мир кочевников (вторая половина IX—XVI столетия)», организованной Западно-чешским университетом (г. Пльзень) и Ягеллонским университетом (г. Краков) в ноябре 2016 г.

заполнения свидетельствуют о том, что жители занимались гончарством, обработкой кож, прядением, ткачеством, земледелием, кузнечным делом, литьем из цветных металлов [3, с. 373; 4, с. 348]. Географическое расположение подсказывает и другие виды деятельности: рыболовство, лодочный перевоз, лоцманство. Это место устойчивых контактов славян с кочевническим миром, на что указывают открытые захоронения с погребальным обрядом характерным для кочевых племен. Исследователи определяют памятник как славянский с незначительным присутствием степных элементов [5, с. 51].

Главным назначением этого островного поселения, своеобразной военно-торговой базы было обеспечение огромного числа, прибывающих сюда дружинников, купцов, представителей дипломатических миссий, направляющихся на своих лодях с дарами-данью то ли в Царьград, то ли в столичный Киев. Среди товаров руссов были славянские пряности: горчица и хрен, пользующиеся большим спросом на любом рынке. Тарой для их перевозки служили амфоры-корчаги. На корчаге, вымытой из берегового обрыва северней Протолчего, есть надпись «хрон» или «хрен». Емкость амфоры около 11 литров. находка датируется XI в. [6, с. 220].

Важным стратегическим грузом было оружие. В результате совместных походов и военных столкновений русских дружин с печенегами руссами были заимствованы тактика конного боя и соответствующее вооружение. Ассортимент оружия и конского снаряжения расширился восточными саблями, пиками, стрелами, удилами, уздой. Поначалу это были трофеи, полученные в бою или в результате купли-обмена или в качестве дара. Спрос был велик и уже в конце X — начале XI вв. русские мастера-оружейники не только освоили собственное производство, но усовершенствовали его [7, с. 141]. Русские суда перевозили отечественное и европейское оружие. В 1928 г. со дна Днепра, вблизи Хортицы поднято пять мечей. На трех клинках латинскими буквами выбито «ULEBERHT» — Ульфберт — это имя оружейника, изготовлявшего мечи. Мастерская появилась в середине X в. на среднем Рейне и просуществовала почти 200 лет. Клинков с клеймом мастерской Ульфберта известно 15. Они датируются X—XI вв. [8, с. 598].

В летописях перечисляются некоторые походы, а значит и остановки на Хортице, флотилий руссов. В 860 г. через пороги прошло 200 кораблей. В 907 г. возле острова останавливался флот князя Олега, который состоял из 2000 судов. Около 909–910 гг. 500 судов спустились Днепром. Весной 941 г., преодолев пороги, к Хортице пришел огромный флот князя Игоря количеством 10 000 ладей [2, стб. 21, 26, 33, 742]. Цифры, скорей всего, преувеличены. Но факт развитого судоходства у славян убедительно доказали находки подводной археологической экспедиции Запорожского музея. В русле Старого Днепра, вблизи Протолчего было поднято днище большой ладьи длиной более 10 м. По мнению специалистов, оснащенное мачтой

и парусами, судно могло вмещать до 15 человек и было пригодно для плавания по морю. Радиоуглеродный анализ судна показал дату между 956 и 1036 гг. [9, с. 174].

О том, что древнерусские суда, груженные товарами, бороздили не только реки, но моря служат находки со дна Тонкого залива Азовского моря: 24 амфоры, 17 кувшинов, 3 блюда, 1 чашка, железный четырехрогий якорь и конструкции корабля: шпангоуты, обшивочные доски, кованые гвозди. Главное место в комплексе находок занимала деревянная скульптура — носовое украшение судна. Она изображает голову рогатого животного: спереди похожа на тура, в профиль на лошадь. Общая длина скульптуры 1 м 65 см. Аналогий этой уникальной находке в судовой археологии Восточной Европы нет. Радиоуглеродный анализ скульптуры дал результат: 970–1050 гг. [10, с. 185]. Другие поднятые предметы укладываются в эти хронологические рамки. Находка судна с грузом амфор и прочей посуды на славянском судне в Азовском море наводит на мысль, что товар предназначался печенегам, которые импортировали его из Херсонеса и для доставки в Приазовье арендовали судна руссов с командой гребцов и лоцманом.

К характеристике Протолчего необходимо добавить, что оно изначально было крупным религиозным центром Нижнего Поднепровья. О сакральном значении острова Святого Георгия (Хортицы) имеется мифологический сюжет, изложенный К. Багрянородным. В ходе исследований на о. Каменный, расположенном в 500 м к юго-западу от поселения, выявлено скопление камней со следами копоти, окруженное невысокой кладкой. Среди камней найдено более 100 фрагментов костей птиц и рыбы, 50 фрагментов амфор и 15 обломков лепной, посуды [11, с. 108]. Капища такого типа появились у славян в VIII—IX вв. [12, с. 53].

Здесь же был открыт фундамент двустолпной зальной однонефной базилики. Подобный тип храмовой архитектуры бытовал в Причерноморье с IX до XII вв. [13, с. 87]. Ближайшим из них можно признать церковь святого Пророка Ильи в Солнечной долине в Крыму.

Признаки христианизации оседлого населения Нижнего Поднепровья прослеживаются в погребальном обряде грунтовых могильников оседлого степного населения ассимилированного кочевниками, среди которого преобладает славянский компонент. Антропологический анализ могильников подтверждает этот вывод [14, с. 48].

Скудные сведения грунтовых могильников дополняют подкурганые захоронения с более разнообразным инвентарем. Большая часть разрушена распашкой или разграблена. Сохранившиеся преподносятся исследователями тезисно, без иллюстраций как «кочевнические».

И все же них можно выделить те, которые относятся к печенежскому кругу древностей. Таковым является погребение 2 в кургане Орта тубе,

исследованном у с. Волна [15, с. 94]. На печенежскую принадлежность указывают западная ориентация, остатки коня с расчлененными нижними конечностями по второй сустав. Среди находок для хронологического определения большее значение имеют стремена, удила и скобоподобные кресал. Погребение датируется IX—X вв.

В инвентаре погребения, открытом вблизи с. Кирово, кроме традиционных стремян и удила находились берестяной колчан, срединные накладки на лук, овальные пряжки [16, с. 84]. Использование деревянного перекрытия, захоронение на нем «чучела» взнузданного коня и вещевой комплекс свидетельствует о влиянии огузских погребальных традиций.

Курган, окруженный рвом, у с. Благовешенка сооружен над двумя печенежскими погребениями [17, с. 31]. Погребение 1 ограблено, сохранились серебряная серьга и черешковый наконечник стрелы с ромбовидным пером. Комплекс находок могилы 2 (две лазуритовые подвески ромбической формы, два серебряных височных кольца с напускной дутой биконической нанизкой, усложненной восьмью коническими шишками, часть сабли, кожаный кошелек, рукоятка ногайки), нетрадиционный погребальный обряд, связанный с устройством «поминальной» площадки и сооружением насыпи говорит, что захоронение принадлежит к числу неординарных. В нем отмечается сочетание нескольких культурных традиций. Генетическая память сохранила печенежский погребальный обряд, усложненный присутствием деревянной конструкции торченских (гузких) захоронений, а вещевой набор включает предметы, бытовавшие у тех и других, плюс «аксессуары» половцев. Памятник датирован кон. XI—XII вв. — периодом формирования общего печенежско-гузко-половецкого погребального обряда [18, с. 210].

Большинство богатых печенежских погребений объединяет географическое расположение: прибрежная зона Черного и Азовского морей, удаленность от враждебной Руси, близость к юго-восточноевропейским сбруйным центрам, обслуживающим Русь, Крым и причерноморские степи. Наибольший интерес представляют украшения конской узды из новокаменского кургана, значительно отличающиеся от аналогичной находки из Гаевки. Оба шедевра средневекового художественного ремесла относятся ко второй половине XI в. благодаря находке в гаевском комплексе монеты Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) [19, с. 243].

Конструктивной особенностью степных курганов Причерноморья являются культовые сооружения. Большинство из них — святилища половецкого времени. Более ранние встречаются крайне редко.

Уникальный памятник такого рода открыт в 1980 г. у с. Черноземное [20, с. 93]. В кургане эпохи бронзы, на дне рва найдены фрагменты средневековых амфор, черепа и кости лошадей, в восточной части обнаружено

9 изваяний. В реконструкции автора раскопок В. В. Отрощенко этот своеобразный алтарь XI в. выстроен в следующем порядке: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?), всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, медведь в спокойной позе, дикий кабан. Композиционно и семантически этот парад людей и зверей воспроизводит божественный пантеон тюркского населения, что свидетельствует о влиянии тюркских культурных традиций на мировоззрение кочевников степей Нижнего Поднепровья. В экспозиции Запорожского музея можно увидеть каменные изображения льва из кургана 5 могильника Рясные могилы [21, с. 36], медведя и барана из кургана 1 у пгт. Михайловка [22, с. 62]. Еще один изящный, реалистично выполненный кабанчик демонстрируется в Днепропетровском музее. Найден у с. Андреевка. Датируется XI в. [23, кат. № 723, с. 66].

Память о конных тюркоязычных народах хранима топонимами. Для кочевников, переселившихся на новые места, необходимо назвать ее важные точки именами, которыми им положено называться в той традиции, которая сформировалась на прежней территории. Анализ топонимов курганов Запорожской области, обозначенных на карте Екатеринославской и Таврийской губерний Российской империи 1865 г., показал, что славяноязыческие названия сбереглись в северной части региона, тогда как тюркоязыческие на юге [24]. Их 111 из 478 именных курганов. Этимология некоторых из них: Кара Тубе — Черный курган, Бесташь — Пять камней, курган Майдан — Площадь, Копие Тубе — вершина, покрытая панцирем, могила Атманай — Конь непреступный [25, с. 65, 97, 339, 346, 371]. Тюркоязычные названия курганов можно рассматривать как наиболее древний горизонт, формирование которого началось в IX—X вв., т. е. во время пребывания в Приднепровской степи печенегов, язык которых относится к огузской подгруппе тюркской языковой группы. Имена эти сохранились на века. Обследуя курганы Херсонской области, И. Е. Забелин выяснил у крестьян, что «большая могила зовется Огузка», искаженное от тюркского имени тотемного животного «Огуз», в переводе «бык» [26 с. 267]. Название Огуз вызывает и прямые ассоциации с племенами кочевников — гузов.

До сих пор сохранилось летописное название острова Хортица. Существует несколько значений этого топонима. Наиболее убедительна версия: слово Хортица происходит от тюркского корня «орт», «орта», т. е. «средний», расположенный на середине. Назвав остров, находящийся между двумя одинаковыми по ширине протоками Днепра, «орта», кочевники дали ему меткое и всем понятное имя.

Тюркские лексемы вошли в славянские письменные памятники. Например, в «Слове о полку Игореве» к князю Всеволоду применен эпитет «буйтур», что переводится как «дикий вол». Праформа слова «богатырь» — «батыр», «батур», «богатур». Слово «труд» происходит от тюркского «турт». Первым

его значением было «ратное дело», «война», а «трутень» — воин. В мирное время название война получило народное переосмысление — «тунеядец», «дармоед» [27, с. 19]. «Турт» переводится и как «толкай», «тыкай». В русском простонародье говорили «трутить», т. е. «толкать», «давить». Тот же смысл украинских слов «трутити», «тручати».

Рассматривая взаимоотношения Руси с печенегами, следует иметь в виду, что для «материковой» Руси, что ближе к Киеву, печенеги — враги, они у стен города. В Нижнем Поднепровье все было иначе. Сама местность не предполагает антагонизма, она уникальна с точки зрения протекания бытовой жизни, космополитичности населения. Степь — вечный путь из глубин Азии в Европу. Днепр был идеальной дорогой в направлении север-юг. В передвижении восток-запад Днепр превращался в труднопреодолимое препятствие. Пересечь эту водную преграду кочевникам помогало осевшее на берегах реки разноликое население, которое контролировало днепровскую магистраль и все переправы, служившие одновременно торгово-ремесленными пунктами. Здесь была особая контактная зона, в которой умение жить по-соседски, т. е. в согласии, доброжелательно, было выгодно каждой стороне.

Литература

1. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий // Древнейшие источники по истории народов СССР. — М., 1991.
2. *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
3. *Сокульский А. Л., Шевченко Т. К., Бодянский А. В. и др.* Раскопки славянского поселения на острове Хортица // АО 1976 г. — М., 1977.
4. *Шаповалов Г. І., Ільїнський В. Є.* Середньовічні майстерні передмістя поселення «Протовче» на острові Хортиця: підсумки досліджень // Наукові студії. — Жешів; Львів, 2015. — Вип. 8.
5. *Козачок Н. Л.* О погребениях на территории Хортицкого поселения XI—XIV веков // Международные связи в средневековой Европе. Тез. науч. докл. и сообщ. научно-практического семинара. — Запорожье, 1988.
6. *Пешанов В. Ф.* Амфора з написом з о. Хортиця // Археологія. — К., 1970. — Т. XXIII.
7. *Киричников А. Н.* К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. — К., 1989.
8. *Равдоникас В. И.* Надписи и знаки на мечях из Днепростроя // ИГАИМК. — М.; Л., 1933. — Вып. 100.
9. *Шаповалов Г. И.* Подводные исследования судов XII и XIV—XV вв. у острова Хортица // ДСПК. — Запорожье, 1990. — Вып. 2.
10. *Шаповалов Г. И.* О находке судна XI—XII веков в Азовском море // ДСПК. — Запорожье, 1995 — Вып. 5.

11. *Ильинский В. Е.* Средневековый храм в урочище Домаха (плавневая часть о. Хортица) // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2013. — № 13.
12. *Русанова И. П.* Культурные места и языческие святилища славян // РА. — 1992. — № 4.
13. *Памятники* градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог. — К., 1985 — Т. 2.
14. *Литвинова Л. В.* Населення Нижнього Подніпров'я XII — поч. XV ст. — К., 2012.
15. *Єльніков М. В.* Курган Орта тубе у північно-західному Приазов'ї // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2013 — № 13.
16. *Тихомолова И. Р.* Погребения кочевников в бассейне р. Конка // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2013. — № 13.
17. *Попандопуло З. Х.* Средневековый курган у Благовещенки // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2005. — № 5.
18. *Єльніков М. В., Мурзин В. Ю.* Кочевники України. — К., 2016.
19. *Кубышев А. И., Орлов Р. С.* Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. — 1982. — № 1.
20. *Швецов М. Л.* Центральноазиатские параллели в культовых комплексах тюркской эпохи Восточноевропейских степей // Тезисы междунар. конф. «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье». — Донецк, 1992.
21. *Отрощенко В. В., Савовский И. П., Томашевский В. А.* Курганная группа Рясные Могилы у с. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. — К., 1977.
22. *Отрощенко В. В.* Михайлівський район. Розділ I. Пам'ятки археології // Пам'ятки історії та культури Запорізької області. — Запоріжжя, 1999. — Вип. 2.
23. *Каталог* Екатеринославского областного музея им. А. Н. Поля. — Екатеринослав, 1905.
24. *Военно-топографическая* карта Российской империи (3 версты в одном дюйме) 1864 г. // Архив Запорожского областного краеведческого музея, доп. фонд 1730 к. п., № 8072.
25. *Древнетюркский словарь.* — Л., 1969.
26. *Забелин И. Е.* Дневники и записные книжки. — М., 2001.
27. *Сулейменов О. О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата, 1975.

